

Правовое регулирование деятельности уполномоченных совета по делам Русской православной церкви в 1944–1948-х гг. (на материалах Южного Урала)

А.Н. Потапова, к.и.н., Оренбургский ГАУ

Поиск, выработка и построение оптимальной модели государственно-церковных отношений является актуальной проблемой современного этапа формирования гражданского общества в России. При этом возможности реализации конфессиями своего потенциала в различных сферах жизни в рамках государства во многом определяются условиями их существования, т.е. общеполитической ситуацией, взглядами правящей элиты на

религиозный вопрос, что в итоге выражается в религиозной политике государства.

Трансформация политики государства в разных сферах жизнедеятельности общества влечёт за собой изменение функций существующих органов государственной власти или создание новых. Период с 1944 по 1948 г. – это время фактической легализации религиозной деятельности в стране после организационного разгрома церковных структур. В ходе этого процесса сформировался большой опыт взаимодействия власти и церкви в

светском государстве. При наличии в последнее время обширного круга исследований по проблемам становления религиозной политики в обозначенный период [1] деятельность новых органов на начальном этапе их существования, и в первую очередь региональный аспект данной проблемы, остаётся недостаточно изученной.

Изменения, произошедшие в государственно-религиозных отношениях в годы Великой Отечественной войны, привели к созданию специального органа для осуществления религиозной политики. Совнарком СССР 14 сентября 1943 г. принял Постановление «Об организации Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР».

Постановлением СНК СССР № 1095 от 7 октября 1943 г. вводился институт уполномоченных, которые подчинялись в оперативном отношении Совету и финансировались из местного бюджета. В аппарат Совета по делам РПЦ (СДРПЦ) входили уполномоченные при областях, краях и республиках СССР, призванные координировать работу на местах. Назначение их осуществлялось согласно Постановлению СНК СССР от 18 декабря 1943 г. «О штатах и должностных окладах работников аппарата уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК союзных, автономных республик, краевых и исполнительных областных комитетов» [2].

При осуществлении своих функций уполномоченные Совета взаимодействовали и были подотчётны, с одной стороны, центральной власти в лице СДРПЦ при СНК СССР, с другой – региональным исполнительным и партийным органам. Структура двойного подчинения уполномоченных Совету и облисполкомам приводила к вынужденному лавированию между областным и московским руководством.

Специфика работы, необходимость взаимодействия с верующими и духовенством требовали привлечения опытных кадров. На должность уполномоченного назначались представители номенклатуры со стажем работы в партийных, советских структурах. Так, на должность уполномоченного при Чкаловском облисполкоме назначили П.Г. Тептярева, члена ВКП(б) с 1920 г., окончившего Высшие юридические курсы НКЮ. Пётр Григорьевич имел практический опыт: работал народным судьёй г. Ульяновска, в годы войны возглавлял переселенческий отдел Чкаловского областного исполкома, областное управление пищевой промышленности. Уполномоченными Совета по делам РПЦ стали в Челябинской области – П.Г. Ефимов, в Курганской – М.И. Виноградов.

Деятельность уполномоченных строго регламентировалась инструктивными письмами Совета, в которых определялось, что отношения с представителями религии должны строиться на основе взаимного внешнего доверия, вмешательства во внутреннюю жизнь церкви не допускалось. На практике наблюдалась обратная картина. Совет установил с 1 ноября 1943 г. для всех церковных

приходов и религиозных объединений обязательную отчётность обо всех сторонах деятельности.

Специальная инструкция, утверждённая Советом 5 февраля 1944 г., определяла должностные обязанности уполномоченных: наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства СССР, относящихся к РПЦ; за деятельностью религиозных общин и служителей культов; проведение учёта всех действующих и закрытых культовых учреждений, определение их возможности для использования по назначению; рассмотрение заявлений, ходатайств верующих об открытии церквей и молитвенных домов, регистрация религиозных общин. Уполномоченные обязывались проводить служебный приём представителей религиозных общин и духовенства по рассмотрению и проверке жалоб; выезжать на места для обследования церковных зданий и культового имущества и др. Выполнение этих функций укрепляло положение нового института в среде местной номенклатуры и сказывалось на упрочении положения церкви в регионе.

После назначения уполномоченные на местах приступили к учёту действующих приходов и закрытых храмов. В 1944 г. в стране было учтено 16797 недействующих православных культовых сооружений, из них под хозяйственные нужды использовались 13844 (82%), непереоборудованных и свободных насчитывалось 2953 здания (17%). В Чкаловской области, по данным на 1 апреля 1944 г., из 327 недействующих церквей использовались не по назначению 296 (90%), в Челябинской области из 553 недействующих православных культовых учреждений – 414 (75%) [3].

Согласно Постановлению СНК СССР «О порядке открытия церквей», принятому 28 ноября 1943 г., верующие получили возможность легализовать свою деятельность. Процедура рассмотрения ходатайств являлась достаточно трудоёмкой. Для составления проекта заключения уполномоченным необходимо было установить количество верующих в данном населённом пункте, определить, насколько настойчиво их ходатайство; ознакомиться с техническим состоянием культового здания, узнать стоимость необходимого ремонта и заручиться согласием верующих на его проведение.

Секретный циркуляр «О дополнениях в утверждённую 5 февраля 1944 г. Советом по делам РПЦ при СНК СССР инструкцию для уполномоченных Совета» рекомендовал использовать «законные» мотивы отклонения ходатайств верующих: отсутствие здания для богослужбных собраний; невозможность возвращения культового учреждения ввиду использования его под хозяйственные или культурные цели; непригодность здания религиозного культа по заключению технического надзора (ветхость, опасность обвала); неправильное оформление ходатайств. Уполномоченным разъяснялось, что заявление верующих должно быть

написано чернилами, разборчиво, подписано не менее чем 20 совершеннолетними, не лишёнными по суду избирательных прав гражданами, проживающими в данном пункте с указанием их возраста и рода занятий. К тому же «Инструкция по порядку проведения в жизнь законодательства о культах», принятая в предвоенные годы, так и не была отменена, а в ней отмечалось, что лицо, сообщившее заведомо ложные сведения в заявлении о регистрации, привлекается к ответственности.

Заявления верующих тщательно проверялись. Основанием для отклонения ходатайств служила подлинность подписей заявителей. Уполномоченные СДРПЦ проводили проверку по «уточнению списков». Поставившие подписи под ходатайством обязывались её подтвердить. Нередко после «разъяснительной работы» верующие отказывались признать подлинность своей фамилии под коллективным заявлением, что в свою очередь означало автоматическое отклонение ходатайства. В списке верующих с. Лоховка Державинского района Чкаловской области значилось 123 человека, при проверке уполномоченным 63 отказались подтвердить свои подписи, заявив, что они не расписывались и не знали о составлении списков.

Важно отметить, что Совет по делам РПЦ рассматривал лишь незначительную часть ходатайств, которые включали «полный комплект» необходимых документов. Основная масса заявлений отклонялась уполномоченными на местах ввиду неправильного оформления материалов. Анализ ходатайств верующих показывает, что многие религиозные общины неоднократно подавали заявления. Так, из 20 заявлений, направленных в Совет уполномоченным по Челябинской области в 1947 г., только 3 подано впервые, в Чкаловской области из 57 – 23; в Курганской из 41 – 7 [4].

Настойчивость и неудовлетворённость со стороны верующих проявлялась в обращениях в разные учреждения и инстанции с жалобами на местные органы советской власти. Жители с. Коровина Мордово-Боклинского района Чкаловской области в период 1945–1947 гг. обращались 7 раз к уполномоченному Совета по делам РПЦ, к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину, в бюро жалоб Госконтроля, в Совет Министров СССР, в Совет по делам РПЦ. Но все усилия оказались напрасными.

Ходатайства верующих и священнослужителей о регистрации культовых учреждений, о разрешении проводить церковные ритуалы и обряды часто не преодолевали бюрократические барьеры. Сроки подготовительно-проверочной работы уполномоченными не определялись законодательно. Приняв дело к рассмотрению, органы власти имели широкие возможности официально отказать просителям. Итогом работы уполномоченных СДРПЦ в трёх областях Южного Урала в период 1944–1948 гг. стало открытие в Чкаловской области 20 храмов,

в Челябинской – 37, в Курганской – 12. Учитывая, что к концу 1930-х гг. Православная церковь практически не существовала как социальный институт, изменения оказались значительными.

Вновь открытые церкви попадали под строгий контроль со стороны государства. С немногочисленными зарегистрированными общинами уполномоченные заключали договоры, в которых строго определялось использовать церковное здание только по назначению, осуществлять содержание церкви за счёт верующих, вменялось в обязанность иметь инвентарную опись всего богослужебного имущества, за пропажу или порчу которых предусматривалась солидарная материальная ответственность. Государство сохраняло за собой право прибегать к периодической проверке и осмотру имущества. За нарушение договора предусматривалась уголовная ответственность.

Согласно п.19 Постановления «О религиозных объединениях» район деятельности служителей культа ограничивался местожительством членов обслуживаемого ими религиозного объединения и местонахождением соответствующего молитвенного помещения. Инструктивное письмо Совета № 32 от 23 ноября 1948 г. обязывало уполномоченных детально проверять каждого регистрируемого служителя религиозного культа, а также членов церковных советов и ревизионных комиссий приходов. Рекомендовалось запрашивать сведения у органов МГБ и МВД и в случаях возражения последних в регистрации отказывать. Особой проверке требовалось подвергать тех, кто имел судимости, для выяснения их отношения к советской власти и проводимым ею мероприятиям.

Зарегистрированным представителям религиозного культа уполномоченные ежегодно выдавали справки, содержащие сведения о регистрации и строго определённой территории деятельности (перечень населённых пунктов, в которых мог совершать обряды священнослужитель). В случае оставления службы письменное разрешение возвращалось уполномоченному. Регистрационные справки использовались как средство давления на «активных священников». В Чкаловской епархии уполномоченным были лишены справок служители религиозного культа по следующим причинам: И. Яковлев (с. Черкассы Гавриловского района) – за самовольное строительство, ремонт ограды и сторожки, а также выезд за пределы прихода для отправления религиозных треб, Т. Свиридов (Петропавловская церковь г. Бузулука) – за разъезды по району и проведение богослужений. В Челябинской области из-за использования церковного имущества за пределами здания (из церкви вынесли иллюстрированную Библию и приносили её на частные квартиры) сняли с регистрации Д. Старцева (Симеоновская церковь г. Челябинска) [5].

Во взаимоотношениях с представителями религиозного культа уполномоченные использовали

разные методы давления. Одним из инструментов, сдерживавших религиозную активность духовенства, являлось налогообложение. Вопросы, связанные с налогообложением, находились в сфере интересов как финансовых, так и государственных органов, контролировавших и регламентировавших жизнь религиозных общин. Налогообложение представителей духовенства осуществлялось согласно Постановлению СНК СССР от 29 августа 1945 г., инструктивного письма Народного Комиссариата финансов от 17 апреля 1944 г. № 198 «О порядке обложения подоходным налогом служителей религиозных культов и других лиц, получающих доходы от религиозных обществ», Постановлению Совета Министров СССР от 3 декабря 1946 г. № 2584 «О порядке обложения налогами служителей религиозных культов».

Уполномоченные СДРПЦ обязывались при наличии у них сведений о размерах доходов отдельных священнослужителей сообщать в районные (городские) финансовые отделы. Допускалась проверка деклараций служителей культа об их доходах путём опроса о количестве совершённых ими обрядов и размерах полученного вознаграждения, для определения дохода учитывались показания членов церковного совета и самих верующих.

Председатель СДРПЦ Г.Г. Карпов в справке по налоговому вопросу отмечал, что налог с духовенства брали из расчёта сумм дохода от 3 до 65%. При этом доходы священников в крупных городах от 5–10 тыс. руб. облагались в размере 65%; в других городах соответственно 2–4 тыс. – 40–50%; в сельской местности 500 руб. – 2 тыс. – 16–40%. Сложившаяся в регионе практика высокого подоходного налога вызывала недовольство представителей духовенства. Жалобы поступали в районные и областные финансовые отделения. За 1947 г. от священнослужителей Челябинской епархии поступило 17 жалоб, из них 6 на завышенное налогообложение [6]. Финансовые органы облагали налогом и незарегистрированное духовенство, которое наиболее активно практиковало церковные обряды. Подобные действия приводили к прекращению служб или их резкому ограничению.

В 1944–1948 гг. в соответствии с новым курсом государственной религиозной политики дополнялась правовая база. Однако законодательно закреплённые права на практике не могли реали-

зовываться в полной мере. Образование Совета по делам РПЦ и введение института уполномоченных на местах привело к тому, что курирование религиозного вопроса перешло из рук местного управленческого аппарата к специализированным органам. Введение должности уполномоченных в регионе способствовало более эффективному сбору сведений о деятельности религиозных объединений, установлению контроля над всеми сферами жизнедеятельности религиозных общин и духовенства, проведению целенаправленной государственной религиозной политики.

Региональный опыт деятельности уполномоченных СДРПЦ, являвшихся проводниками государственной религиозной политики, позволяет раскрыть её формы и методы. Процесс легализации деятельности религиозных объединений, проходивший на Южном Урале в 1944–1948 гг., оказался под строгим контролем со стороны органов государственной власти, сдерживавших возрождение религиозной жизни.

Одним из важных критериев готовности общества и государства перейти на новый уровень взаимоотношений с религиозными организациями является развитие правовых основ государственно-церковных отношений, налаживание церковно-государственного и церковно-общественного диалога, определение перспектив их развития. В этой связи представляется важным определение допустимой меры взаимодействия государства и религиозных объединений с учётом исторического опыта, на основе правовых норм, принятых в светском государстве.

Литература

1. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М., 1999; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике Советского государства 1943–1948 гг. М., 2001; Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны (Государство и религиозные организации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). М., 2005 и др.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.132. Д.6. Л.56; Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.617. Оп.1. Д.41. Л.4.
3. РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.424. Л.156; Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф.371. Оп.8. Д.627. Л.9; ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.43. Л.2.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6991. Оп.1. Д.153. Л.31–35.
5. ГАРФ. Ф.6991. Оп.1. Д.148. Л.47–48; ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.18. Л.137; Оп.1. Д.374. Л.3; Объединённый государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.274. Оп.3. Д.4479а. Л.13.
6. ГАРФ. Ф.6991. Оп.2. Д.126. Л.14; ГАОО. Ф.617. Оп.1. Д.164. Л.22.